

Кристиан Гречо

Вера

(фрагмент)

Чистый двор, аккуратный дом

Она возвращалась домой из Нижнего города, ученица начальной школы, относил домашнее задание заболевшей однокласснице. Та, к счастью, только прогуливала - Вера с самого детства боялась всякой заразы и чувствовала отвращение, если ей приходилось объяснять арифметику сопливному, кашляющему ребенку. С облегчением, что сейчас точно ничего не подцепила, она улыбалась миру и площади Матяша. У ворот старого, крытого камышом дома сидели старики, полусгнившая деревянная скамья стонала под ними; каждый держал клюку, будто им и сидя нужно на нее опираться, и смотрели на Веру, следили, как она идет в их сторону, она же думала о том, надо ли ей поздороваться: с чужими, по словам папы, не надо, но эти чужие старики смотрят доброжелательно: с такими наверно все-таки надо, в этом вопросе родители крайне непоследовательны, и не могут объяснить почему. До них оставалось несколько шагов, но время или случайность решили этот вопрос: она дошла до скамьи, как вдруг из ничего, из солнечного, послеполуденного сияния разразилась дурная гроза, без всякого перехода полило как из ведра, бабушка с дрожащим подбородком, в платочке, и дедушка в черной шляпе испуганно звали ее к себе.

Сначала только на открытую галерею, а потом, когда туда начал попадать дождь, и внутрь, в темную кухню, сунули в руки полотенце, сначала она не хотела брать, но с белокурых косичек лилась вода, полотенце было приятным, мягким, теплым, потом старички предложили поужинать и захотели дать ей денег.

Вера удивилась, и они не стали настаивать, но бисквитный пирог с персиками съесть стоило, долго уговаривать не пришлось. Она откусила и начала жевать, челюсти стариков задвигались в унисон - они были счастливы, словно девочка оказала им величайшую любезность.

Она точно не знает, понятия не имеет, что именно, но в этот вечер впервые в жизни заподозрила, что с ней что-то не так. Домой шла очень медленно, куриной походкой, приставляя пятку к носку, резина кедров скрипела. Дождь перестал, желтые стены церкви на площади Матяша сияли еще несколько минут, солнце село, а она стояла и плакала, или нет, потому что не всхлипывала, просто слезы текли по лицу – она видела раньше, так плачет мама. Если рыдала Вера – то навзрыд, не так, как мама, которая могла прослезиться и от радости, и «просто так». Но сейчас само получилось, не было грустно, только до слез растрогало, что она доставила столько радости этим бабушке и дедушке, приняв то, что они хотели дать.

Солнце пропало за домами, площадь стала пугающе серой и прохладной, Вера поежилась и поспешила домой, почти побежала, ранец запрыгал на спине. Ей пришло в голову, что побывать дома у этих стариков было как в сказке, или как на уроках закона божьего - и там, и там случались странные, добрые и непонятные дела.

Старики словно заморозили Веру: минуты, проведенные с ними, были как в тумане, далеки и подобны сну. Но прохладный сентябрьский вечер отрезвил ее, она вспомнила, как старик спросил, чья она дочь. Белы Татраи, - ответила Вера и представилась, как учил папа. Ей еще ни разу не доводилось представляться, непонятно, зачем это вообще надо: разговаривать с чужими нельзя, а кто не чужой – с тем знакомы. Но вот и пригодилась папина наука: она протянула руку, старушка заплакала и сразу засмеялась, и неясно, что лучше:

«Позвольте представиться: Татраи Вера».

Бабушка расцеловала ей руки – о чем-то таком при знакомстве папа не говорил. Это было неприятно, немного противно, но ей не хотелось обидеть старую женщину, отдернув руку. Дедушка сказал, что знал ее родного деда, что-то хотел уточнить, сказал «ну то есть» и почесал бороду. Седые волосы росли только на подбородке и отталкивающе скрипели. Старик снова сказал «то есть», потом замолчал, бабушка пришла ему на помощь, сказав, что

«конечно, это был он». Ну да, если отец Верочки, как они ласково называли ее, если отец Верочки инженер. Вера возразила: нет, ее папа военный, на что старики облегченно засмеялись, хотя в этом не было ничего забавного. Но они долго хохотали: конечно, они понимают, ее папа хоть и военнообязанный, но не ломает, а строит - мосты, дамбы и тому подобное.

Вера кивнула. Она знала, папа и впрямь много говорит о мостах и реках, и намного меньше о танках и солдатах. Эта мысль отвлекла ее внимание, о своих бабушке с дедушкой так ничего и не спросила. Сейчас, по дороге домой, на холоде это мучило ее, словно она совершила какую-то непоправимую ошибку. Старик сказал только, что воевал на фронте вместе с дедом Татраи, и что тот был хороший человек. О маме вообще ничего не сказали, хотя, если бы она спросила – это выглядело бы как подглядывание за своей родней. Папа и мама всегда говорили одно и то же: оба, увы, рано умерли, ничего интересного.

Дойдя до дома, Вера успокоилась и забыла обо всем - о тяжелом предчувствии и неприятных ощущениях. Она нажала ручку калитки – та не открылась: щеколда наброшена. Вера остановилась, посмотрела на серую ленту домов напротив – они ей очень нравились, но родители считали их мрачными и отталкивающими, а ведь они красивые, когда много-много окон вечером светятся, как маленькие зеркала, и дом будто огромный пазл, или даже елочная гирлянда. На той стороне улицы Альфельди было не так темно, как через дорогу, на стороне коттеджей, где жила Вера в доме с садом – большая, как говорит папа, ценность, но Вера считает иначе. Папа говорит, она может много играть на свежем воздухе, но сам вечно забывает выкосить траву во дворе, так что поиграть там вдоволь все равно не удастся. Если мама снова «который раз просила», а папа остался на службе, тогда они шли на детскую площадку, где было лучше - там можно поиграть с другими детьми. С теми, кто живет в красивых многоэтажных домах с лифтом; словом, для Веры сад вообще не имел никакой ценности.

Из головы выветрились мысли, дома-ленты, свет, площадка и сад, но мама открыла дверь, сказала: «а вот и я» - и снова вспомнились старик, скрипевший бородой, и нерешительность. И эта нерешительность внезапно оказалась знакомой, Вера осознала, что уже встречалась с ней, почти всегда, когда речь шла о ней или ее родителях. Только как-то не складывала их друг с другом. Однако неуверенное молчание старика обозначило, словно ярлыками пометило молчания, отводы глаз, всякие колебания, будто всё вклеено в школьную тетрадку и снабжено белыми этикетками. Она могла восстановить в памяти - что случилось в школе, в магазине, на тренировке или танцах, словом, куда бы она ни пошла, везде уже случалось: кто-то говорил о ней и сразу умолкал, будто вспоминал что-то странное или тайное. Этот старик тоже, отчаявшись, почти испуганно умолк, как только зашла речь о ее родном дедушке.

Открыв дверь, мама обняла Веру, но та едва ответила - страшное подозрение оледенило ее душу.